

203

РАЗСКАЗЫ ВЛ. КОРОЛЕНКО.

Напряженное, съ каждымъ днемъ возрастающее страданіе, которое несомнѣнно свидѣтельствуетъ о какомъ-то глубокомъ, всѣми нами переживаемомъ, кризисѣ,—вотъ общій фонъ, основная характеристная нота большинства произведеній молодыхъ русскихъ беллетристовъ. Всѣ, какъ будто наперерывъ другъ передъ другомъ, спѣшаютъ заявить, что жизнь для современнаго человѣка сдѣлалась черезчуръ тяжелой, что, по выраженію поэта,—«такъ дольше жить нельзя», что необходимо какой-то радикальный, большой переворотъ въ нравственномъ мірѣ, что иначе въ недалекомъ будущемъ грозитъ полное банкротство всѣхъ прежнихъ идеаловъ и вѣрованій. Напряженіе душевной боли и безысходной тоски, удручающей каждаго чуткаго писателя нашихъ дней, достигло небывалыхъ размѣровъ; чтобы почувствовать это, стоитъ только попристальнѣе взглянуть въ скорбную, глубоко-трагическую фигуру самаго крупнаго и сильнаго представителя новѣйшей русской беллетристики—покойнаго В. М. Гаршина. Основная тема его произведеній—сознаніе страшной отвѣтственности, налагаемой жизнью на человѣка, и нашего полнаго нравственнаго безсилія оправдаться передъ нею, нести эту отвѣтственность. Гаршинъ, а за нимъ и большинство молодыхъ русскихъ беллетристовъ горюютъ не о томъ, что вѣры не стало, но о томъ, что люди нашего поколѣнія настолько нравственно измельчали, износились, что не хватаетъ силы дѣятельно примкнуть къ какому-бы то ни было вѣрованію, даже сознавая его истинность, воплотить въ жизнь, принести ему реальныя жертвы. Не стало способности вѣрить и вотъ почему «такъ дольше жить нельзя», и всѣ мы чувствуемъ, что тяжесть существованія возрастаетъ съ каждымъ днемъ, и молодые писатели самыхъ разнообразныхъ темпераментовъ, лагерей и направленій сходятся въ одномъ—въ сознаніи, что смыслъ жизни мало-по-малу теряется; въ произведеніяхъ такихъ, во многихъ отношеніяхъ совершенно несходныхъ беллетристовъ, какъ Альбовъ и Муравлинъ, Баранцевичъ и Ив. Щегловъ, все громче, болѣзненнѣе и рѣзче звучитъ нота напряженной, характерной для русской современности, «гаршинской» тоски. Что-же касается писателей

типа Чехова, повидимому болѣе жизнерадостныхъ и беззаботныхъ, то слѣдуетъ замѣтить, что слишкомъ часто для современныхъ поэтовъ поклоненіе чистой красотѣ, намѣренная художественная объективность, «искусство для искусства» играютъ роль чего-то въ родѣ вина или гашиша, въ которыхъ писатель ищетъ хотя-бы минутнаго забвенія отъ слишкомъ мучительныхъ, жгучихъ запросовъ реальной жизни. Впрочемъ и въ произведеніяхъ такихъ по наружности жизнерадостныхъ поэтовъ прорываются иногда скорбныя, болѣзненные ноты, которыя свидѣтельствуютъ, что и эти писатели не избѣгли общей участи молодыхъ беллетристовъ, что напрасно они стараются убѣжать въ область чистаго объективнаго искусства и красоты отъ удручающаго сознанія: «такъ дольше жить нельзя». На мрачномъ фонѣ русской литературы ярко и рѣзко выдѣляется одна свѣтлая фигура, въ траурной, современной беллетристичѣ, этой «юдоли плача и скорби», раздастся одинъ свѣжій, молодой голосъ, полный бодростью и силой *здоровья*, а не той вакхической, болѣзненной силой, которую даетъ художнику опьяненіе гашишемъ красоты. Голосъ этотъ принадлежитъ г. Короленко. Конечно «*гаршинская*» скорбь должна быть оправдана, какъ проявленіе естественной реакціи противъ условій, въ которыя поставленъ современный интеллигентный человѣкъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ искренній, не самодовольный, не ограниченный, а вполне выстрадаанный оптимизмъ произведеній г. Короленко нисколько не менѣе правдивъ и жизненъ. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ русской интеллигенціи сохранился еще запасъ здоровой нравственной энергіи, что мучительный душевный кризисъ, всѣми нами переживаемый, болѣе или менѣе временный, и что въ молодой русской литературѣ—много нетронутыхъ свѣжихъ силъ, которыя просятся на волю, и, рано или поздно, конечно, сдѣлаютъ пробить себѣ дорогу. Гдѣ корни этого оптимизма, что дало молодому писателю силу если не вѣрить, то по крайней мѣрѣ надѣяться, что наше поколѣніе еще не окончательно утратило способность вѣрить, въ какомъ источникѣ почерпнулъ онъ *живой воды*, которая позволила ему сохранить въ этотъ вѣкъ пессимистической заразы бодрость духа, ясное, здоровое міросозерцаніе? гдѣ наконецъ взялъ онъ эту свѣжесть, молодость настроенія, благодаря которой лучшія его произведенія ворвались въ современную русскую беллетристику также отрадно и неожиданно, какъ свѣжій вѣтеръ изъ открытаго окна въ тяжелую атмосферу лазарета? Эти вопросы я предложилъ себѣ, приступая къ настоящему очерку.

I.

Интересно прослѣдить, какъ постепенно развивалось и черезъ какія фазы проходило отношеніе русскихъ писателей къ излюбленному имъ типу «уныженныхъ и оскорбленныхъ», который во всевозможныхъ видахъ и среди всевозможныхъ обстановокъ такъ часто являлся героемъ нашей художественной литературы. Отмѣ-

/.../

С.21. Что же касается до миниатюрной живописи природы, то, кажется, лучше бы г.Короленко не брался за нее: его художественный темпераментъ мало к ней приспособлен, да кроме того в этом роде описаний он имеет такого опасно-

го, почти непобедимаго соперника, какъ г.Чехов.

/.../

тимъ въ с
этого разв
Некрасовѣ
другихъ о
одной хар
Мармелада
безотвѣтн
шей общ
лись «уни
рѣчи о к
нѣтъ да
Писатель
нять ихъ
возможна
авторъ б
передъ ч
дуть къ
вать нѣк
безотвѣт
восходит
метафиз
чикомъ:
холодно.
ные тип
безъ пр
гласные
лость, и
смирени
Лев
Онъ не
скимъ
кромѣ
ствени
просто
щему,
и созд
знаютъ
Платон
зухову
единст
не см
и зан
знаніе
кихъ
воты
съ вл
цамъ»
сказа

кая драматиче-
ь подь свѣтлый
одическихъ коп-
схального звона,
а, которымъ въ
го изъ острога.
ле первые звуки
другъ за стѣной,
абый, беспомощ-
дсмертною жало-
дальше эхо пу-
орядо послѣднѣе
въ ужасѣ ночью».
ція дѣйствующія
звонарь» также
мы уже раньше
въ стихъ, и Ма-
ь — утихающаго

го умѣть рисо-
урами, широкія
бно тому лучше
остовъ которыхъ
ндами безъ пси-
мирѣ онъ выби-
ують психологи-
ингентной среды,
ь образомъ дѣй-
овозрѣніе болѣе
простыя рѣзкія
роями г. Коро-
сенныхъ, подобно
основной лири-
ѣсколько примѣ-
ется, какъ сонъ,
атическое поло-
ніе полудикаря
шумить» раз-
образомъ драма-
антастическихъ
рудиментарныя
въ «Соколинцѣ»
ятныхъ людей,
ется отъ всѣхъ
тоновъ и оттѣн-
и необходимымъ
отъ собствен-

Этимъ присутствіемъ сильнаго, быстрого и простаго дра-
матическаго дѣйствія, очерченнаго крупными контурами безъ де-
талей г. Короленко отличается отъ другихъ новѣйшихъ беллетри-
стовъ В. Гаршина и г. Чехова. Гаршину драматическое положеніе
его героевъ служить только удобнымъ предлогомъ для психоло-
гическаго анализа; г. Чеховъ въ своихъ превосходныхъ новеллахъ
никогда не беретъ всей драмы цѣликомъ, а выхватываетъ только
отдѣльные, кульминаціонные драматическіе моменты, которые онъ
освѣщаетъ ему одному свойственнымъ лирическимъ настроеніемъ.
Между тѣмъ въ лучшихъ произведеніяхъ г. Короленко на первомъ
планѣ—драма сжатая, сильная, упрощенная до основныхъ элемен-
товъ, драма, которая безъ остановокъ, безъ психологическихъ
размышлений и деталей стремится къ заключительной катастрофѣ,
къ послѣднему аккорду также неудержимо, какъ узкій горный
потокъ, стѣсненный крутыми берегами.

Простыя и рѣзкія очертанія пейзажа и не менѣе простыя и
рѣзкіе контуры драматическаго дѣйствія — вотъ художественные
приемы г. Короленко: въ качествѣ приверженца того метода въ
поэзіи, который въ живописи соотвѣтствуетъ пластической школѣ
Рафаэля, онъ выдвигаетъ не колоритъ, а рисунокъ, не психологи-
ческое настроеніе, а скульптурный остоу произведенія, въ проти-
воположность В. Гаршину и г. Чехову, которые, въ качествѣ
настоящихъ колоритовъ тиціановской школы, предпочитаютъ ри-
сунку, простымъ и рѣзкимъ очертаніямъ драмы — лирическое
освѣщеніе, настроеніе, колоритъ.

III.

До сихъ поръ я разсматривалъ только лучшія произведенія
г. Короленко. Но если бы здѣсь я прервалъ мой очеркъ, то ча-
татель получилъ бы невѣрное понятіе о молодомъ беллетристѣ, у
котораго къ сожалѣнію найдется довольно много слабыхъ вещей.
По странному стеченію обстоятельствъ главнымъ образомъ именно
эти слабыя и плохія произведенія заслужили автору популярность
среди русской публики, которая вообще не отличается особенной
разборчивостью и художественнымъ пониманіемъ. Въ лучшихъ
разказахъ, («Сонъ Макара, Лѣсъ шумитъ, Въ подслѣдственномъ
отдѣленіи, Очерки сибирскаго туриста, За иконой, По пути, Со-
колинецъ») г. Короленко, какъ мы видѣли, беретъ темы изъ на-
родной жизни; къ самымъ слабымъ относятся тѣ произведенія и
отдѣльныя части, эпизоды произведеній, гдѣ онъ касается жизни
интеллигентныхъ людей. Здѣсь авторъ утрачиваетъ оригиналь-
ность и впадаетъ въ несомнѣнное подражаніе то польскимъ пи-
сателямъ, то Достоевскому и В. Гаршину. Очевидное подражаніе
польскимъ образцамъ преобладаетъ въ двухъ растянутыхъ, сенти-
ментальныхъ повѣстяхъ, которыя имѣли у насъ немалый успѣхъ
и составили автору имя даже въ кружкахъ читателей, не обра-
щавшихъ вниманія на его лучшія произведенія. «Въ дурномъ

1...1

С.25. Есть у г.Чехова такие микроскопические, пре-
лестные подробности, по-видимому ненужные,
даже смешные, на самом деле, пленяющие вас
обаятельной простотой, наивностью и правдой;
но эта манера миниатюрной живописи совер-
шенно недоступна и чужда художественному
темпераменту г.Короленко. /.../

Д.Мережковский.